

УДК 811.161.1'42

Е. Л. Колесниченко

Горловський інститут іноземних мов
ГВУЗ «Донбасський державний педагогічний університет» (г. Бахмут)

«РЕЧЕВЫЕ МАСКИ» М. ЖВАНЕЦКОГО: ОПЫТ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассмотрен лингвистический феномен «речевая маска» (РМ) как коммуникативная стратегия в монологах М. Жванецкого. Доказано, что «РМ» предполагает наличие оппозиции собственного идиостиля языковой личности и стиля, присущего выбранной маске; использование речевой маски преследует не только цели, связанные с подражанием другому человеку, но и цели, связанные с языковой выразительностью, влияющей на передачу автором какого-либо дополнительного смысла.

Ключевые слова: лингвистический феномен, коммуникативная стратегия, речевая маска, социальная роль, идиостиль писателя, языковая личность, образ говорящего, эквивокация, «парадокс лица».

Колесніченко О. Л. Горловський інститут іноземних мов ДВНЗ «Донбасський державний педагогічний університет». «*МОВЛЕННЄВІ МАСКИ*» М. ЖВАНЕЦЬКОГО: СПРОБА ПРАГМАЛІНГВІСТИЧНОГО АНАЛІЗУ

Розглянуто лінгвістичний феномен «мовленнєва маска» (ММ) як комунікативна стратегія в монологах М. Жванецького. Доведено, що «ММ» передбачає наявність опозиції власного ідиостилю мовної особистості і стилю, властивого обраній масці. Використання мовленнєвої маски має не тільки цілі, пов'язані з наслідуванням іншій людині, але й цілі, пов'язані з мовною різницею, що впливає на передачу автором будь-якого додаткового змісту.

Ключові слова: лінгвістичний феномен, комунікативна стратегія, мовна маска, соціальна роль, ідиостиль письменника, мовна особистість, образ мовця, еквівокація, «парадокс особи».

Kolesnichenko E. HIFV SHEI «DSPU». «*SPEECH MASKS*» M. ZHVANETSKY: *THE EXPERIENCE OF PRAGMALINGUISTIC ANALYSIS*

Communicative strategy «speech mask» includes both the game and the role principle, correlates with the notion of image: different communicative situations and different intentions of the talking subject actualize this or that function. «SM» assumes the existence of an opposition of its own idiostyle of the language personality and style chosen by the mask. This opposition is based on the position that there is a style of the linguistic personality as a speech image of the speaker, the manner of his behavior, represented by speech actions.

«Putting on» any speech mask, a person seems to reincarnate into a different linguistic personality, temporarily acting as the person. In other words, «SM» is an imitation of someone else's behavior, which includes a different manner of speech, a different vocabulary and assumes a different picture of the world. At the same time, a person «reincarnates» into another linguistic personality based on his own ideas about what kind of personality this should be, and these representations must somehow correlate with the ideas of the society about the image of this communicant.

The author has enough means to create and use the reception of the «speech mask». Analyzing the speech means used by this or that character of the work, we draw conclusions about the emotional, intellectual and social characteristics of a person.

Key words: Linguistic phenomenon, communicative strategy, speech mask, social role, writer's idiostyle, linguistic personality, speaker's image, equivocation, «the paradox of face».

Постановка проблеми. Язык, являясь важнейшим средством общения людей, подчинен потребностям, интересам и уровню культуры собеседников (непосредственных и опосредствованных), что подтверждает его социокультурный характер. Именно поэтому развитие и изменение языка исследуется сообразно той культурной парадигмы, которая сформировалась в социуме на определенном периоде времени. Маска как культурный и социальный феномен, мотивы ее формирования и способы исполнения привлекали внимание специалистов разных областей знания: психоло-

гов, філософов, літературознавців, лінгвістів. По мненню Ю. М. Лотмана, маска, являясь своеобразним культурним феноменом, представляє собою поведенческую експлуатацію того или иного образу с определенной целью.

Анализ последних достижений и публикаций. К изучению филологического феномена «речевая маска» в разное время обращались многие ученые-лингвисты (В. В. Виноградов, Е. А. Земская, Т. Г. Винокур, Ю. М. Лотман, Д. Н. Шмелев, О. С. Иссерс, И. А. Стернин и др.). В каждой работе это явление определяется исходя из конкретных потребностей исследователя. Анализ работ, рассматривающих феномен речевой маски, позволяет говорить о том, что «речевая маска» как особая коммуникативная стратегия включает игровое и ролевое начало, соотносится с понятием имиджа.

Цель нашей статьи – рассмотреть феномен речевой маски как одну из коммуникативных стратегий языковой личности и перевоплощенной языковой личности.

Изложение основного материала исследования. М. М. Жванецкий описал все слои советской жизни, все возможные ее ситуации, все возможные типажи, отдал дань всем языковым традициям и создал прямо-таки энциклопедию «хomo советикус». Галерея персонажей писателя по полноте, красочности и меткости выписанных характеров вполне сравнима с собранием портретов в «Мертвых душах», а по тонкости и гибкости передачи лирического героя он сравним с поэтом. «Герой М. М. Жванецкого – это не герой фельетонов, не критикуемый сатирой сквалыга, бюрократ или другой остро социальный персонаж, не юродивый фрик типа выпускника кулинарного техникума в исполнении Хазанова. Герой Жванецкого совершенно неотделим от самого Михаила Михайловича. Жванецкий всё время, все длительные годы, только и развивал этого героя, и жил вместе с ним. Огромное количество его текстов складываются в роман жизни этого героя. А главная тема, главный вопрос, главное переживание этого героя – это: что за страна, в которой он живёт, что за время мы все переживаем и почему он так всё это сильно любит, что жить без этого не может?» [1].

Часто персонаж скетча М. М. Жванецкого играет несвойственную ему социальную или психологическую роль, что противоречит ожиданиям либо партнера по общению, либо читателя (слушателя), а чаще того и другого.

Социальная роль – модель поведения человека, объективно заданная социальной позицией личности в системе социальных, общественных и личных отношений. Акт речевого общения носителей социальных ролей Е. Ф. Тарасов называет социальной ситуацией [15, с. 272]. По его мнению, «социальные ситуации можно подразделить на нормативные и ненормативные. В нормативных социальных ситуациях с самого начала речевого общения известны роли коммуникантов и, что самое важное, иерархия ролей» [Там же, с. 272]. Такие ситуации возникают, в основном, в официальных структурах общества, где очень часто характер информации, подлежащий передаче, установлен заранее. Социальные ситуации с противоположными характеристиками (невхождением в официальные общественные структуры, неопределённостью передаваемой информации) относятся к ненормативным, а часто и парадоксальным.

Социальные роли опознаются только в коммуникации, поэтому они являются одновременно и речевыми ролями, предполагающими повторяющиеся речевые навыки и определенные речевые правила. Определение статуса роли позволяет коммуникантам определить иерархию своих статусов и в зависимости от этой иерархии производить выбор средств высказывания. Различия, имеющиеся в социально-ролевых отношениях коммуникантов, выражаются в содержании поведенческих тактик.

У. Герхардт, Л. П. Крысин и др. выделяют три типа социальных ролей: статусные, позиционные, ситуационные. Признаками статусных ролей являются такие характеристики носителей, как пол, национальность, роль гражданина определенного государства, роль по типу вероисповедания и пр. (эти роли человек играет всю жизнь или большую часть своей жизни). Позиционная роль – это своеобразная «табель о рангах»: занимаемая должность, образование, семейное положение и некоторые др. Именно по этим признакам осуществляется ориентация в собеседнике. Ситуационные роли образуют другую группу социальных ролей, которые используются для описания поведения, предписанного эпизодическим видом деятельности (роль гостя, пациента, покупателя и т. п.). Исполнение ситуационной роли во многом зависит от ролей статусных или позиционных. Человек по-разному будет исполнять роль гостя в зависимости от того, каково его образование, пол, возраст, профессия и т. д.

Личность, занимающая определенную социальную позицию, ориентирует своё поведение на обладателей других позиций, которые ожидают от неё деятельности, допускаемой ролевыми предписаниями. Этот контроль ролевой деятельностью выражается в ролевых ожиданиях. Ролевые предписания и ролевые ожидания – это нормы, реализующиеся в речевой деятельности с различной степенью точности соблюдения предписаний. Иными словами, взаимодействуя, коммуниканты представляют друг друга как носители определенных социальных ролей.

Несоответствие реального поведения индивидуума ожиданиям рассматривается как нарушение норм социального поведения и трактуется как парадоксальное. Например:

Звонит наша знаменитая певичка, ты уже ее не знаешь, отец, перелезла она через забор своего санатория, и пошли мы с ней на пляж «Отрада»....

– Эй, – кричит она, – вставайте, вы что, не знаете, что в стране чрезвычайное положение?

*Все сказали: – Не знаем... – Вы что, с ума сошли? – закричала она. – Это я, Пугачева! **Вставай, народ!** [2, с. 23].*

В данном коммуникативном событии известная певичка (А. Б. Пугачева) выступает в несвойственной ей роли революционера. Комическая ситуация создается за счет сочетания лозунгов и призывов, свойственных определенному типу дискурса («*Вставай, народ!*»), глаголов, передающих экспрессивное состояние персонажа (*кричит, закричала*), и описания неречевого поведения персонажа (*перелезла через забор*) в нетипичном для лозунгов месте (*пляж санатория*). Именно из-за несоответствия жанра призыва месту исполнения глагол *вставайте* используется сразу в двух значениях: 1) ‘принять вертикальное положение, подняться на ноги’; 4) перен. ‘двинуться на совершение чего-нибудь’ [16, с. 98]. Комический эффект основан на эквивокации, т. е. двусмысленности, недоразумении, возникающем при употреблении какого-либо слова или выражения в двойном значении.

Представление о выполнении определенной роли связано со стереотипами, которые являются неотъемлемой частью речевого поведения. При нарушении статусной роли возникает комический эффект. В приведенном ниже фрагменте скетча «Одесский пароход» капитан судна ведет себя нерешительно, в ответственный момент (отплытие парохода) отвлекается на посторонние разговоры, позволяет подчиненным пререкается с ним и самостоятельно принимать решения, что противоречит его социальной (позиционной) роли:

*Кто? Ой-ой... (щелчок). Так, внимание. **Полный... вп'ячм... нет... те... лучше... Стоп!.. Хотя... Тс-с (щелчок)... Стоп!.. Это я сомневаюсь? Стоп! Тс... полный стоп! Самый полный стоп! Всё, н'ек'яти связь. Я тебе уст'ёю "я на него положил". Я тебе уст'ёю "в з'ёбу я видел этот н'ичал". Я тебе уст'ёю "всю ко-***

манду в белых тапочках". Ты у меня голый и босый будешь стучать в бойт. И мы тебе из иллюминатоя такое покажем... Всё, отходим. Он дал даёгу... Хотя... Нет-нет. А-а, да-да... полный... нет... нет... Тс-с. Стоп! Я сказал – стоп! Откуда эта подвижность? Почему мы идем? Изя, Ёма! Куда мы идем? Где куйс? Где лоция? Я не вижу твои... Стоп! Стоп! Полный назад! Ах, вы ешили впеёд. Что вам там видно в машине?! Ну, давай, давай впеёд, хотя я сказал назад, и вы увидите, как я был п'яв. Я Изе уст'ёю. Он голый и босый будет стучать в бойт.

Голос: Капитан?

– Что такое?

– Изя передал...

– Не хочу слушать.

– Там прямо по носу.

– Не хочу слушать. Я его видел в г'ёбу. Я с ним не язговаиваю.

– Он все-таки сказал, что если мы не возьмем левой буквально два-три градуса, мы сядем...

– Пеедай этому подонку...

– Все! Мое дело сказать – и я сказал. Хотите – верьте, хотите – нет.

Сидите на мели, не сидите на мели. У нас в машине куча дел и без вас. Я уже два часа пробую получить с Ромы мои 15 рублей. Идите пробуйте вы. И еще, он передал, если вы немедленно не отвернете, вы врежетесь... во что он сказал... в общем, тут есть один остров [3, с. 235].

Для каждого типа дискурса характерна своя лексическая система. Например, в разговоре врача и больного используются медицинские термины: *диагноз, ишемическая болезнь* и пр., однако в скетче «Доктор, умоляю» парадоксальная ситуация складывается из-за того, что коммуниканты (на приеме в поликлинике) ведут себя как портной и заказчик в ателье по пошиву одежды:

Больной. А мне на улице стыдно показаться.

Врач. Но я врач.

Больной. Я знаю.

Врач. Я всю жизнь лечил больных. Травмы, переломы... (Всхлипывая) стойте прямо. Не наклоняйтесь. Брюки двадцать четыре?

Больной. Да. Наискось.

Врач. Хорошо. Сейчас все хотят наискось. Жилетку из этого же материала?

Больной. Да.

Врач. Сколько у вас материала?

Больной. Два девяносто [4, с. 69].

Парадоксальные высказывания могут в произведениях М. М. Жванецкого свидетельствовать о шизофрении персонажа. Так, в монологе «Изобретатель» сначала перед нами предстает ученый-изобретатель: *Так вот. У меня шестьдесят крупнейших изобретений и открытий...* [5, с. 33], – но в дальнейшем читатель понимает, что у персонажа психическое расстройство: *Оригинальный метод борьбы со склерозом путем полной госпитализации всего населения в инфекционных больницах. Стимуляция бдб. Укол в пятку – на лысине появляются первые всходы. Кое-что секретное: таблетки против танков. Проглотил, и нет никого... Меня могут выкрасть* [6, с. 34].

Как правило, в течение определенного времени человек играет одну позиционную роль, например, занимает одну должность, работает по одной специальности. В скетче «Специалист» перед нами предстает «многостаночник», который ориентируется буквально во всем:

Бебеля, 21, кв. 3 – Нет звука?.. А изображение?... Нормальное...

Хорошо. Я буду у вас с 5 до 7... Пожалуйста...

– Да-да... Слушаю... Плохо шьет? Строчку не дает? Немецкая...

Свердлова, 8, кв. 47... Буду до 5... Пожалуйста...

– Алло... Да, я... Почему болит? А вы согревающий компресс на ночь...

– Алло... Это вы... Я вам неправильно предсказал. Вместо большой дороги в казенный дом следует читать: «Задуманное вами исполнится вскоре. Вас ожидает большая радость и спокойная жизнь, что вам будет в награду за пережитое» [7, с. 76].

Парадоксальность ситуации создается за счет того, что в рамках одного речевого события представлены элементы разных типов дискурса: телерадиотехнического, медицинского, религиозного и пр. В результате у читателя создается впечатление, что в роли адресанта выступает несколько человек.

В скетче «На приеме» разговор между врачом (... *этой прелестной женщиной лет между... двадцатью – тридцатью и сорока одним*) и больным постепенно переходит в беседу любовников, а институциональный медицинский дискурс становится межличностным (официальное «Вы»-общение перерастает в личностно-ориентированную «Ты»-коммуникацию):

Вот пей... Ты успокаиваешься? – Я успокаиваюсь. – Ты здоров. – Я здоров. – Ты спокоен. – Я спокоен... ты закрыла дверь? – Перестань сейчас же, сейчас же прекрати. Ты спокоен... Спи... Спи... – Послушай, тебе завтра рано? [8, с. 179].

Парадоксальная ситуация может возникнуть в том случае, если говорящий не соблюдает «фактор адресата» (возраст, социальную и психологическую роль и пр.), не учитывает его фоновые знания (пресуппозиции) и пр., иными словами, не соблюдает правило унитарности (по Е. В. Ключеву):

Инженер: Дорогие товарищи первоклассники. Коллектив нашего завода Нептуна просил передать вам, что он в свою очередь решил взять на себя дополнительные обязательства. Наш техотдел, в частности, решил в этом году довести до промышленной серии опытный образец агрегатно-дробильного аппарата нкзе-18-бис с педалью, доведя его производительность до 18 тонн горячего агрегата быстрого схватывания в час, тише, дети, это интересно, при затрате электроэнергии 15 квт на расчетную единицу веса, которую мы принимаем, тсс, это очень интересно, дети, равной 1 кг на единицу мощности, что, в общем, соответствует техусловиям ту-54/49 от 25/5-57 года снх дпу от 18 января при себестоимости 16 коп. за тонну, что уже на 0,5 % ниже взятых нами за прошлый год, когда мы еще грели пересыщенным паром <...>. Они режут... Они срывают выступление... А у меня тут три слова. И еще наш старший экономист и все. Кого в больницу?.. Самого маленького?.. С мамой?.. Я чувствую, в аудитории падает интерес. Так меняйте штанишки. Вытирайте им ножки. Перерыв [Там же]. Выступление инженера перед первоклассниками подшефной школы насыщено узкоспециальной терминологией (образец агрегатно-дробильного аппарата нкзе-18-бис с педалью; при затрате электроэнергии 15 квт на расчетную единицу веса; соответствует техусловиям ту-54/49 от 25/5-57 года снх дпу от 18 января при себестоимости 16 коп) и пр. О реакции малышей на выступление «дяди-шефа» свидетельствуют выделенные реплики выступающего. Это смешение элементов научно-технического подстиля и разговорной речи в пределах одного речевого события и создает эффект парадоксальности.

При рассмотрении параметра «роли» необходимо учитывать психологический статус адресанта и адресата. Изучая поведение людей в процессах межличностного общения, американский психоаналитик Эрик Берн ввел понятие психологической роли. Роль здесь трактуется с точки зрения психологии: каждая лич-

ность несет в своем феноменальном Я-состоянии три психологические роли: Ребенка, Родителя. Взрослого.

Родителю присущи уверенность в правильности моральных норм, авторитетный тон, безапелляционность, покровительство, превосходство, догматизм, наказание отступления от норм, оказание помощи и т. д. Коммуникативной позиции Ребенка свойственна жизнерадостность, любопытство, раскованность, беззащитность, доверчивость, неуверенность, несдержанность и т. д.

Как правило, герои Жванецкого – это «маленькие люди», жертвы тоталитарного насилия. Они всегда выступают в психологической роли Ребенка, который просит, жалуется, недоумевает... Абсурдность ситуаций, представленных в произведениях Жванецкого, заключается в том, что в роли Родителя при статусно-ориентированном типе общения не обязательно выступает начальник (руководитель предприятия, исполкома и т. д.): это может быть человек, занимающий любую должность; любой человек, наделенный в данный момент небольшой, но властью. Так, в интермедии «Как?! Вам ничего не говорили?» такую роль играет обычная телефонистка.

Он. – Девушка, миленькая, пятнадцатая, не бросайте. За что? Почему?

Она. Там узнаете.

Он. Может быть, вы знаете, почему нет писем, телеграмм. Уж очень долго.

Она. – Как, вы еще не знаете? (Щелкнула. Отключилась) [9, с. 109].

Психологическая роль Ребенка (Он) проявляется в использовании речевого жанра «мольба» (дими́нутив «миленькая», просительная интонация, вопросы «За что? Почему?»). Роль Родителя строится, во-первых, на неопределенности ответа: «Там узнаете», где интродуктивная референция заменяется неопределенной, а на четко поставленный вопрос: «Почему нет писем и телеграмм?» – следует высокомерный ответ-удивление: «Как, вы еще не знаете?».

Существует понятие «парадокс лица», регулирующий механизмы вежливости. «Лицо» – это репрезентация себя каждым членом социума. Изменение лица допустимо только в сторону позитива, но потеря лица чревата коммуникативным провалом, конфликтом. В скетче «Сцена в метро» показана такая «потеря лица»: молоденькая девушка поначалу ведет себя в соответствии с конвенциями, принятыми в нашем социуме: «Старикам везде у нас почет». Она требует, чтобы молодой человек уступил старушке место, однако выясняется, что той сидеть не хочется: *Не хочу я садиться*. В ответ девушка делает пожилой женщине грубое замечание: *А Вам, бабушка, должно быть стыдно. О вас заботятся, вам предлагают, а вы бессмысленно уперлись, как баран, позор, подонки все!* [10, с. 264]. В бытовой ситуации девушка не может претендовать на роль Родителя, и ее речевое поведение воспринимается как невоспитанность. Нарушается максима такта (Дж. Лич), о чем свидетельствует реакция адресата-женщины, которая, судя по всему, старой себя не считает: *– Почему больная? Почему семьдесят? Сколько мне осталось?! Вам какое дело? Я прекрасно себя чувствую. – Больная ты! Сидите!* Бабушка же, в свою очередь, выступает в роли Ребенка, капризная: *Не сяду я, и все. Не сяду!* [11, с. 264].

Излюбленным приемом языковой характеристики персонажей М. М. Жванецкого является «речевая маска» (РМ). Он дает возможность автору создать множество разнообразных типажей: образ глупого неудачника, который учится только на своих ошибках: *Билеты у спекулянта взял в кино. Оказалось, на вчера, в другом городе и не в кино, а куда-то в планетарий... Пока сам не обожжешься, никто тебе не докажет. Все надо самому испытать. Только на себе*

[12, с. 31]; малограмотного чинушу из районного отделения культуры: *«Я к вам не по службе пришел и буду говорить то, что думаю. Сатиру даете, молодцы...»* [13, с. 34]; пессимиста: *Между нами говоря. Что мне от той Луны. Ни холодно, ни жарко. Ну светит – светит...»* [14, с. 75]; подхалима: *Здравствуйте!... Вы все чудесно выглядите. Какой здоровый цвет лица... Какие могучие плечи! Я рад, что у всех все хорошо... Я рад! Мне приятно! Когда все хорошо. Когда вокруг все чудесно...»* [16, с. 80]; человека отчаявшегося, потерявшего веру в собственные силы: *А я не вижу смысла ни в чем. Вот беда.... Поневоле задумаешься, есть ли смысл»* [14, с. 88]. Галерею «речевых масок», созданных М. М. Жванецким, можно продолжать бесконечно. За всеми ними – «маленькие люди» со своими недостатками и достоинствами. Именно прием «речевой маски» дает возможность наиболее точно выразить авторскую интенцию.

Выводы и перспективы дальнейших научных разработок.

Итак, РМ, которую надевает М. М. Жванецкий, предполагает наличие оппозиции собственного идиостиля языковой личности и стиля, присущего выбранной маске. Его скетчи – это блестящая имитация чужого поведения, включающая иную манеру речи, иной лексикон и предполагающая иную картину мира. При этом писатель «перевоплощается» в другую языковую личность на основе собственных представлений о том, какой эта личность должна быть, и эти представления либо коррелируют с представлениями социума об образе данного коммуниканта, либо (что намного чаще) разрушают стереотипный образ, создавая основу для парадоксального эффекта.

Библиографические ссылки

1. **Гришковец Е. В.** Гришковец... о Жванецком [Электронный ресурс] / Е. В. Гришковец. – Режим доступа : <http://foma-ne.livejournal.com/35050.html>.
2. **Жванецкий М. М.** Эммануилу Моисеевичу от сына / М. М. Жванецкий. Девяностые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 4. – М. : Время, 2002. – 447 с.
3. **Жванецкий М. М.** Одесский пароход / М. М. Жванецкий. Шестидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. – М. : Время, 2002. – 254 с.
4. **Жванецкий М. М.** Доктор, умоляю / М. М. Жванецкий. Семидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. – М. : Время, 2002. – 383 с.
5. **Жванецкий М. М.** Изобретатель / М. М. Жванецкий. Мой портфель. – К. : Махаон-Україна, 2006. – 384 с.
6. **Жванецкий М. М.** Специалист / М. М. Жванецкий. Семидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. – М. : Время, 2002. – 383 с.
7. **Жванецкий М. М.** На приеме / М. М. Жванецкий. Восьмидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. – М. : Время, 2002. – 349 с.
8. **Жванецкий М. М.** Начальное образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://drink.dax.ru/avtor/jvanec/jvan_06.shtml
9. **Жванецкий М. М.** Как?! Вам ничего не говорили? / М. М. Жванецкий. Восьмидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. – М. : Время, 2002. – 349 с.
10. **Жванецкий М. М.** Одиночество / М. М. Жванецкий. Мой портфель. – К. : Махаон-Україна, 2006. – 384 с.
11. **Жванецкий М. М.** Личный опыт / М. М. Жванецкий. Шестидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. – М. : Время, 2002. – 254 с.
12. **Жванецкий М. М.** Разговор по поводу / М. М. Жванецкий. Шестидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. – М. : Время, 2002. – 254 с.
13. **Жванецкий М. М.** Только приятное / М. М. Жванецкий. Шестидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. – М. : Время, 2002. – 254 с.

14. **Жванецкий М. М.** А я не вижу смысла ни в чем / М. М. Жванецкий. Шестидесятые. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. – М. : Время, 2002. – 254 с.
15. **Тарасов Е. Ф.** Речевое воздействие: методология и теория / Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – 297 с.
16. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Сов. энцикл., 1984. – 846 с.

References

1. Grishkovets, E. V. ЭGrishkovets ... about ZhvanetskyЭ [ЭGrishkovets... о ZhvanetskomЭ], available at: <http://foma-ne.livejournal.com/35050.html>
2. Zhvanetsky, M. M. (2002), “To Emmanuil Moiseyevich from his son”, *The nineties. Collected works in four vol.* [“Emmanuilu Moiseyevichu ot syna”, *Devyanostyye. Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*], Vol. 4, Moscow, 447 p.
3. Zhvanetsky, M. M. (2002), “The Odessa steamer”, *The sixties. Collected works in four vol.* [“Odesskiy parokhod”, *Shestidesyatyye. Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*], Vol. 1, Moscow, 254 p.
4. Zhvanetsky, M. M. (2002), “Doctor, I implore”, *The Seventieth. Collected works in four vol.* [“Doktor, umolyayu”, *Semidesyatyye. Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*], Vol. 2, Moscow, 383 p.
5. Zhvanetsky, M. M. (2006), “Inventor”, *My portfolio* [“Izobretatel”, *Moy portfel'*], Kiev, 384 p.
6. Zhvanetsky, M. M. (2002), “Specialist”, *The Seventieth. Collected works in four vol.* [“Spetsialist”, *Semidesyatyye. Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*], Vol. 2, Moscow, 383 p.
7. Zhvanetsky, M. M. (2002), “At the reception”, *Eighties. Collected works in four vol.* [“Na priyeme”, *Vos'midesyatyye. Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*], Vol. 3, Moscow, 349 p.
8. Zhvanetsky, M. M. “Primary education” [“Nachal'noye obrazovaniye”], available at: http://drink.dax.ru/avtor/jvanec/jvan_06.shtml
9. Zhvanetsky, M. M. (2002), “How?! Did they tell you anything?”, *Eighties. Collected works in four vol.* [“Kak?! Vam nichego ne govorili?”], *Vos'midesyatyye. Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*], Vol. 3, Moscow, 349 p.
10. Zhvanetsky, M. M. (2006), “Loneliness”, *My portfolio* [“Oдиночество”, *Moy portfel'*], Kiev, 384 p.
11. Zhvanetsky, M. M. (2002), “Personal experience”, *The sixties. Collected works in four vol.* [“Lichnyy opyt”, *Shestidesyatyye. Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*], Vol. 1, Moscow, 254 p.
12. Zhvanetsky, M. M. (2002), “Talk about”, *The sixties. Collected works in four vol.* [“Razgovor po povodu”, *Shestidesyatyye. Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*], Vol. 1, Moscow, 254 p.
13. Zhvanetsky, M. M. (2002), “Only pleasant”, *The sixties. Collected works in four vol.* [“Tol'ko priyatnoye”, *Shestidesyatyye. Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*], Vol. 1, Moscow, 254 p.
14. Zhvanetsky, M. M. (2002), “I do not see the point in anything”, *The sixties. Collected works in four vol.* [“A ya ne vizhu smysla ni v chem.”], *Shestidesyatyye. Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*], Vol. 1, Moscow, 254 p.
15. Tarasov, E. F. (1990), “Speech influence: methodology and theory”, *Optimization of speech impact* [“Rechevoye vozdeystviye: metodologiya i teoriya”, *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya*], Moscow, pp. 5–50.
16. Ozhegov, S. I. (1984), *Dictionary of the Russian language* [*Slovar' russkogo yazyka*], Soviet Encyclopedia, Moscow, 846 p.

Надійшла до редколегії 09.02.2017